

Гришковец — тот, кто умеет разговаривать

Россия. 2003. 31 июля. — с. 24-25

Елена Павлова

XXV Международный кинофестиваль в Москве открылся фильмом Алексея Учителя «Прогулка». «Фильм так себе, — делился впечатлениями приятель. — Но! Одну из ролей — совсем эпизодическую, правда, — там играет Евгений Гришковец». При упоминании этого имени лица всех присутствующих озарились улыбками.

битыми музыкантами», с которыми разговаривать невозможно. Это люди с хорошим университетским образованием и открытым взглядом на жизнь. Мы оказались похожи. Я филолог, а они помимо музыки занимаются тем, что преподают философию.

— Кто?! Вот эти неприлично молодые люди?

— Да, теперь уже пришло такое время. Вообразите, как круто: молодые кандидаты наук утром читают студентам лекции, а вечером играют для них модную музыку в клубах. Да их обожают там! Мне кажется, когда они заходят в аудиторию, это похоже на фильм про Индиану Джонса. Его там студенты тоже боготворили.

— А почему у них так группа называется?

— А это, черт возьми, крайне удачное название, правда? С одной стороны, оно очень иностранное, с другой — абсолютно русское. Еще его с английского можно перевести как be good (будь хорошим), но оно так не переводится. Оно французское и вообще никак не переводится. И в нем есть немного ретро. В результате получается

— Как вы относитесь к модному на сегодня понятию «культурный»?

— То есть вы намекаете на то, что я культовый персонаж?

— Не я намекаю. Газеты пишут.

— Ну да... Ну, если так говорят, значит, от этого отмахиваться нельзя. Популярность влияет на мою жизнь. Приходится более ответственно относиться к собственным поступкам. Еще это влияет на дефицит времени. Интервью — это ведь тоже работа. А иногда бывает приятно — люди узнают, появляются новые возможности. Все, что называется словом «культурный», — это просто момент моды и успеха. И вообще я слова этого не произносил. Это вы меня спросили.

ся легко, изящно... Одним словом, правильно.

Тут тема названий не на шутку увлекла моего собеседника.

— Все-таки супер! Ребятам просто повезло. Они удачно выбрали название. Или название выбрало их. Так бывает. Ведь я же нашел словосочетание: «Как я съел собаку» — и назвал им один из своих спектаклей. Много словные заголовки, особенно в театре, редко бывают успешными, а тут все сложилось как-то. Слышится непевидимая русская идиома, а на самом деле поедание собаки в этом спектакле — реальный факт. Удачно. Названия сильно влияют на способ восприятия.

— Изначально в композициях «Бигуди» не было слов?

— Нет, были только модные семплы. Я настоял, что их музыке необходимы тексты, причем на русском языке. Макс Сергеев, идеолог группы, — уникальный мелодист. Это модная музыка. И у них ее воруют. Теперь то, что написали «Бигуди», можно услышать в некоторых рекламных роликах. Все это можно будет использовать и в кино. У «Бигуди» же есть от-

дельный музыкальный альбом, который называется «Москва поверила слезам». Это название, кстати, я придумал.

— Откуда Гришковец появился в Москве: из Калининграда или из Кенигсберга?

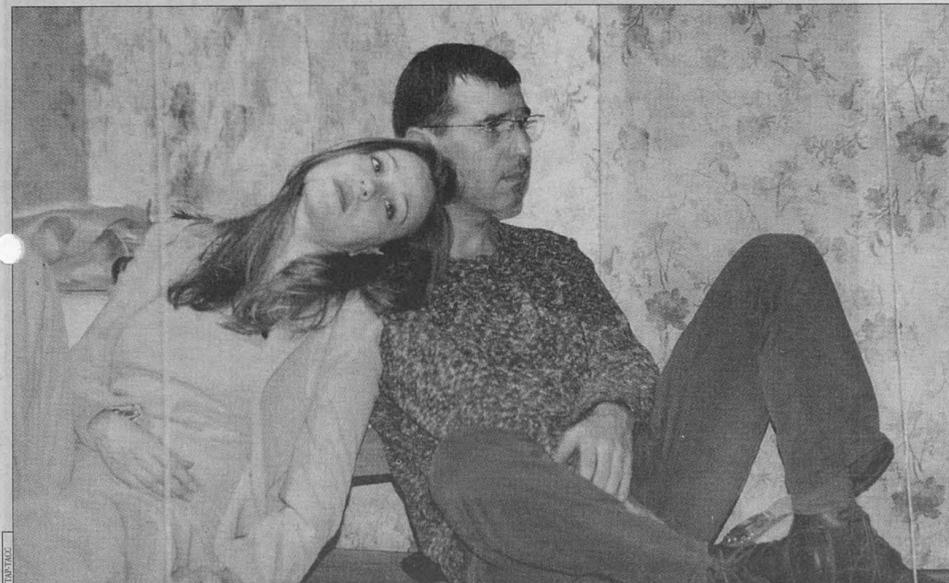
— Я предпочел бы название Кенигсберг, или, как еще ласково говорят: Кеник. Если бы сейчас в нем не доминировал Калининград. К сожалению, там сейчас общая неустраиваемость, центр застроен пятиэтажками. Но, думаю, в итоге к этому городу вернется историческое название. В конце концов кто такой Калинин? Да он там вообще ни разу не был. А Тильзит? Фантастической красоты город, где был заключен тильзитский мир, теперь называется Советск. Да там же по причине названия жить нельзя! Или вот Правдинск. Чудовищное название, а раньше это был город Фридрихланд, и при нем была битва, где впервые героически проявил себя Багратион. А «битвы при Правдинске» быть не может. В этом регионе много несчастных названий, хотя сам он прекрасный, я его так люблю! Я там недолго живу, всего четыре года.

— Вот вы говорите: живую в Калининграде, работу в Москве. А в Москве-то вы где живете?

— Квартиру я не снимаю, гостиница — слишком накладно. Живу у знакомых, в пустующих квартирах друзей. Жить в съемной квартире не получается. Если делать в ней ремонт — вся моя жизнь в Калининграде будет выглядеть как блеф, имиджевый ход, а я ведь там, по сути, живу, у меня там семья. А если ремонт не делать — значит придется жить в нечеловеческих условиях. Я такую квартиру снимал — мне в нее возвращаться не хотелось. И я оставался у друзей, и выглядело это так, будто я приютился. А если ты у кого-то не поселился временно, а просто приютился на ночь, значит, ты обязан с ним в эту ночь выпиться. В общем, печально все это кончалось...

— Вы в Москве больше времени проводите, чем дома. Проблем с регистрацией нет?

— Есть, конечно! Меня вечно грабят милиционеры, постоянно останапливают. А я ведь не являюсь человеком очень известным, по крайней мере для милиции или там работников торговли. Поэтому

Женщина у героя Гришковца — главный, но молчаливый слушатель

му, чтобы доказать, что не балалайка, ношу с собой свою книжку или какой-нибудь журнал, где про меня написано. Одно время была фотография, где Лужков в мэрии вручает мне маленький нагрудный знак — «Золотую маску». Вот эта фотокарточка действовала лучше всего. Но она вся истрепалась, а ламинировать ее, чтобы всем показывать вместо документов, — просто глупо.

— Может, проще все-таки сделать регистрацию?

— Я ее не делаю, потому что считаю это беззаконием. Это давно стало формой взяточничества, а не способом регламентировать жизнь в Москве. Я гражданин своей страны, с какой стати мне надо регистрироваться в каком-то городе? Мне не нравятся правила этой игры.

— Правила творческих игр Гришковцу подходят гораздо больше. Сейчас Сергей Соловьев снимает новый фильм по его пьесе «Дредноуты». Спектакль успешно идет в московском клубе «Огород» уже несколько лет, и переносить его в кинематографическое пространство будет не так просто. Адресованный женщинам рассказ в «Дредноутах» ведется от лица мужчины. В картину Соловьев планирует ввести нового персонажа. Безымянную девушку сыграет Евгения

Крюкова. Ей режиссер разрешает произнести всего одно слово. «Как?» — переспросит она, недослышав. В остальном это будет фильм-монолог. Рабочее название — «Чего не хотят слушать женщины». В главной роли — Евгений Гришковец.

— Вы доверяете Сергею Соловьеву как художнику?

— Можно доверять художнику, но не иметь надежды. Последние фильмы Соловьева мне скорее не нравятся, но на каждый его новый фильм я иду с надеждой. В его новом замысле тоже содержится надежда. Я буду говорить свой текст, но режиссерское решение будет другим. Я участвую в съемках художественного фильма Соловьева, а не в телевизионной версии собственного спектакля. Как автор я работу над «Дредноутами» закончил. Текст можно прочитать, спектакль можно посмотреть. А фильм — совершенно другое произведение искусства, и адресат у него другой. Адрес — тоже очень важная штука. Я всегда привожу один пример: письмо Ваньки Жукова было поистине сильным произведением. Но адресат был указан неверно — вот и вышла трагедия.

— Раз вы все знаете, скажите, как не заболеть звездной болезнью?

— А здесь нет рекомендаций. Люди, кото-

рые осознают свою звездность, нарочно играют в скромных: уступают места, открывают незнакомым барышням двери. И очень собой гордятся. Где панacea от этого, я не знаю. Насчет себя привык думать, что мне просто очень повезло. Приятно ощущать себя удачливым человеком, а не человеком, который все в своей жизни заработал и получил заслуженно. Если повезло, значит, нет личной заслуги, и значит, звездная болезнь не оправдана.

— Но успех ваших спектаклей — не слепое везение. Вы умеете выявлять мелочи, которые есть в жизни каждого человека и случаются с ним каждый день. Все замирают по утрам с брычиной в руках, как лирический герой вашего спектакля «Как я съел собаку», но так талантливо рассказать об этом удалось только вам.

— Здесь важно чувствовать иерархию событий и ценностей. Вы говорите, что штанина — это мелочь, а я говорю, что это важное событие. И я ставлю его в один ряд с гибелью крейсера. На то и на другое я трачу одинаковое время рассказа, равное количество эмоций. И получается, что нет ничего мелкого, потому что это жизнь. Ведь ты же ассоциируешь свою штанину с моей, хотя, когда я ее надевал в своем детстве, был суровый Совет-

ский Союз и никакой перестройкой даже не пахло. Если бы я стал рассказывать со сцены о признаках того времени, меня бы не стали слушать. А школа холодным утром где-то в темноте — вне времени и поколений. Поэтому он лучше, чем я, хотя очень на меня похож внешне и рассказывает часть моей биографии. Нечто подобное было в биографии у каждого. Ко мне в Екатеринбург подошел после спектакля человек и начал выяснять, в каком классе его школы я учился. Потому что у них в школе на втором этаже так же горели два окна кабинета русского языка, и они на них с улицы смотрели. Узнав, что я учился в Кемерове, он был ошеломлен, долго не верил.

— А почему так ненавистен именно кабинет

русского языка? Это что, самоирония? Дать филологическому образованию?

— Мне нравилось изучать язык и литературу в университете, но в школе это было сушим наказанием. Не запомнились правила, я не мог ловить структуры языка. Изучать русский язык — все равно что собирать кубик Рубика. И потом — учителя литературы. Они все почему-то одинокие, несчастные и никого не любят.

— Диплом вы защищали по творчеству Николая Гумилева. Чем он вас зацепил?

— На самом деле из всех его стихов гениальных — процента три. Он был главным хранителем идеи акмеизма, и вся его поэзия не больше, чем инструкция по написанию акмеистических стихов. И только там, где он был выше и шире акмеизма, получались шедевры: про трамвай, про жирафа, про капитанов. Меня интересовала его судьба. Он был и офицер, и настоящий романтик, и заядлый путешественник. Смерть его была трагической... В своих пьесах (не очень, впрочем, хороших) он подробно описывает какие-то ритуалы. Ритуал для него важнее действия. Он был весьма ответственный человек. Тогда это очень на меня повлияло, теперь это уже, конечно, не так важно. И еще меня малоудушно радовало то, что в рукописях он делал массу ошибок, хотя был образован энциклопедически. Я не так хорошо образован, как он, но с ошибками — то же самое.

— Многие ваши герои одиноки. Вы про

одиночество сами знаете или просто умеете его увидеть?

— Я отчетливо знаю, что одинокий, и постоянно стремлюсь нарушить это состояние. Но не тусовкой, а сущностным общением. При создании спектаклей для меня не существовало авторитетных мнений, нет помощников, даже посоветоваться не с кем. И при личных переживаниях тоже. Я не говорю о жизнестроительстве. Есть семья, коллеги. Но на своем личном пути я одинокий. Я не люблю оставаться один. Мне нравится, когда ко мне хорошо относятся. Я сам в эти моменты становлюсь внимательным и нежным. Мое творчество — это удачная попытка уйти от острого переживания одиночества. Ведь если препятствия непреодолимы, нужно научиться поворачивать по этому поводу. Все, что я делаю, — это разные способы быть счастливым.

— Свою карьеру вы начинали с пантомимы. Как получилось, что в итоге вы пришли к диаметрально противоположной форме творчества — бесконечному монологу?

— Пантомимой я начал заниматься случайно, это было еще в школе. Быстро добился хорошей техники, и это стало предметом моей гордости. Потом я понял, что пантомима — это тюрьма! Хотя и метафорична, как поэзия. Но я не люблю метафоры и вообще их не использую. Для современного высказывания метафора — это проявление неспособности и трусости. Чаще всего за ней кроется пустота и лишь видимость стиля.

Человек без метафор

Тусовка никого не спасает от одиночества